8. ШТО МОЖНА ЗАПАЗЫЧЫЦЬ У НЕМЦАЎ ПА ЧАСТЦЫ ЗЕМЛЯРОБСТВА?

(А. Бажанаў)

8.1. Наколькі абгрунтаваныя скаргі беларускіх гаспадароў на суровасць клімату, недахоп шляхоў зносін, на нізкія закупачныя цены і адсутнасць капіталаў?

'Далеко ушла вперед германская земледельческая промышленность против соседней с нею русской. Даже достаточно взглянуть поверхностно, переступить один шаг за литовскую границу, чтобы при сравнении полей прусских с нашими заметить громадную между ними разницу, не говоря уже о том, что можно встретить далее внутри Пруссии, Саксонии, Баварии, Ганновера, Виртемберга и вообще на всем протяжении Германского союза.

При первом взгляде поражает вас разница в чистоте полей, в правильности их распределения, в характерте возделываемых растений и далее в дородстве хозяйственных животных, в красоте и отчетливости фермских строений. Деятельность и аккуратность рабочих на поле ясно свидетельствуют об их непринужденности, любви к делу и умении трудиться разумно, с пользой. Почва везде обработана тщательнейшим образом: роскошная растительность и отсутствие сорных трав подтверждают это повсюду. Земля в Германии не пустует. Если это равнины (как, например, при реках Прегеле и Шпрее и в особенности в долинах Неккара и Рейна, а также по течению Одера и Майна, или в окрестностях Магдебурга, на протяжении между

[1] Урывак з кнігі: Бажанов А. Что можно заимствовать у иностранцев по части земледелия. СПб., 1863. 222 с.

Бранденбургом, Потсдамом и Берлином, или в Саксонии между Лейпцигом и Ризой и по направлению к Веймару, или на отлогих покатостях гор и долинах Саксонской Швейцарии, в Тюрингии, в королевстве Виртембергском), то везде видны поля, разделенные на участки межами, чуть не до математической точности прямыми; везде видны экономичные, неширокие, но удобные полевые дорожки; всюду при малейшем углублении и неровностях на полях имеются канавки. Словом, на каждом шагу встречаются следы внимания, расчета, любви и даже уважения к земледелию. Если это гористая местность, то она вся разделана на террасы, каждый небольшой клочок ее, если он только доступен, непременно разработан. На каменную скалу наношена земля, сделан искусственный грунт и посажены или кукуруза, или ягодные кусты, фруктовые деревья и виноград. Тяжело смотреть, как в корзинах на спине взрослые и даже дети таскают на крутизны то землю, то навоз, как устраивают они на скатах резервуары для воды, накопливают ее и орошают любимые растения; но зато как весело смотреть, когда рабочие собирают плоды своих трудов. Например, что может быть приятнее времени сбора винограда? И эти-то клочки земли на крутизнах, куда трудно и даже опасно взбираться непривычному человеку, и они приобретаются недешево, и за них притом приходится ежегодно платить порядочную государственную подать. Крутизны близ берегов Эльбы при ее течении в Саксонской Швейцарии, отроги Шварцвальда, возвышенности близ Касселя, Гейдельберга, особенно около Штутгарта, а равно и все возвышенности в прирейнской части Германии (где приготовляются хорошо известные всей Европе рейнские вина) облиты потом германских земледельцев, они — ясные доказательства их трудолюбия и неусыпной деятельности. Если же местность песчаная, нередко состоящая из сыпучих песков, то и на ней посеяны желтые люпины или произрастает молодая поросль хвойных дерев, искусственно взращенная. Земли неудобной не признают германцы; везде, где только есть земля да воз-

дух, они сумеют завести и растительность. Болотистых мест встречается весьма мало, а где они и попадаются, то на них или режут торф, или роют канавы для осушки, или же их разделывают под пашню; короче говоря, тут нет, как у нас, болот, оскорбляющих глаз своей дикостью и вредно влияющих на растительность, равно как нет мест сколько-нибудь доступных, где бы не было следов труда человеческого.

Леса поражают и приводят в восторг своей чистотой, правильностью роста и одинаковостью возраста. Здесь тоже, как и на полях, своя система оборотов рубки, своеобразная обработка земли под посевы вновь, своя чистка и подчистка, свои канавы для осушки и орошения; на редком дереве не заметно отпечатка внимания к нему того, чью собственность оно составляет. А где есть естественные луга, если только хозяйственный расчет не обратил их в искусственные, тут нельзя встретить ни кочек, ни рытвин, ни котловин, ни пустых мест, образовавшихся вследствие застоя воды. Ровность, чистота, разнообразные по размеру и направлению канавки, то мелкие, то глубокие, то с пологими, то с отвесными краями, смотря по их цели и свойству грунта, на котором они проведены, и притом одни со шлюзами для задержания воды, а другие с покатым дном для скорейшего стока ее — вот общий характер здешних естественных лугов, если только после такого тщательного ухода можно еще называть их естественными.

И зато сколько раз там косят луга в течение лета и сколько с них получают травы! Нигде нельзя видеть ручья, который бы, извиваясь и будучи загромождён мусором в изгибах, задерживал воду и вследствие того подтоплял близлежащие места, придавая им характер болотистый; напротив, если ручей причиняет застой воды, то русло его выпрямлено и прочищено, он принимает решительно вид канавы, так что нельзя и отыскать признаков его прежнего течения по естественному пути. Если же при всей извилистости и медленном течении воды в ручье она не вредит береговой растительности, то ему предоставлено

естественное течение и при этом наделано много шлюзов, где воду по надобности то задерживают, то спускают.

Если вода в подобных ручьях имеет довольно быстрое течение, например в долинах около гор, то при всяком из шлюзов можно встретить целый ряд мельниц, маслобоен, небольших кожевней, даже пильней и проч. Даже ключам-криницам не дается изливать свою воду туда, куда указывает путь сама местность; и этой воде тоже определено свое русло и именно по тому направлению, которое считается наивыгоднейшим по хозяйственным соображениям. Таким образом, и вода, и земля со своей растительностью находятся в полном распоряжении человека, и та и другая щедро отплачивают ему за заботу о них. Тут-то земледелец является в полном смысле представителем человека — владыкой, которому отдано в распоряжение все сотворенное.

Если перейдем от полей к сельским зданиям, то и тут мы на каждом шагу можем получить хозяйственный урок. Чистота и опрятность, незаносчивость и отсутствие всякой архитектурной вычурности и в то же время удобство и глубоко обдуманное расположение зданий сообразно цели их назначения поражают вас повсюду; нет полураскрытых или безобразно покрытых соломенных сараев, свидетельствующих как бы о том, что хозяину все равно иметь ли что-нибудь или ничего не иметь, жить или умереть. Нигде нельзя встретить навоза, разбросанного где случится и потому пропадающего наполовину даром, несмотря на то что он есть элемент плодородия — цели земледелия. Напротив, в Германии все убрано, сбережено, на все смотрится как на капитал. Вместо крапивы около домов, груд полуизгнившего мусора, разной нечистоты можно почти везде встретить цветничок-садик или что-нибудь вроде огорода, непременно найти приятное в соединении с полезным. При взгляде на животных, содержащихся в хозяйстве, вас непременно приведет в восторг их внешний вид, их довольство, их кротость и прирученность и, наконец, сама манера владельца в обращении с этими друзья-

ми и кормильцами земледельца. Любящий животных немец определенно знает их возраст, привычки, какую пищу они любят, когда они и чем болели — словом, выказывает к своему скоту более теплоты и внимания, нежели иной отец к своему детяти.

Если припомнить корову русского крестьянина, или его рабочую лошадь, или даже корову помещичью, в то время когда великим постом ее испостившуюся подымала барщина, и сравнить с животным того же рода, стоящим перед глазами в Германии, то едва веришь, что и то и другое животное когда-то имели одних и тех же прародителей; а между тем несомненно, что они имели одних прародителей. Значит, так радикально противоположно трудились германский земледелец и русский: один улучшал животное, а другой уничтожал его природные качества.

И от этих-то истощенных выродков мы хотим иметь доход-пользу, когда в основу доходности кладем то, что прямо ведет к ее подрыву. Можно ли после этого удивляться тому, что русская корова, как ни корми ее целый год, какими ни пользуйся она уходом и помещением, дает 30 фунтов масла (12,3 кг; 1 фунт = 409,512 г. — *У. А.)* в течение года? И скромный владелец, сознавая свою вину и неправильность обращения с животным, довольствуется этим, понимая, однако, втихомолку, что при всем нерадении содержание коровы все-таки стоит ему дорого. Таким образом, выходит, что владелец только мучает и уничтожает животное, а оно за это отплачивает ему убытком; то есть одно существует только как бы в ущерб другому. К сожалению, подобные казусы то и дело проглядывают не только в скотоводстве, но и в прочих отраслях нашего земледелия.

Не так поступают в Германии, а потому и не на 30 фунтов (12,3 кг. — *У. А.)* масла рассчитывают от коровы. В Германии находят недостаточным и 6 пудов (98,3 кг. — *У. А.)* масла от коровы, во многих хозяйствах получают по 8 пудов (131 кг. — *У. А.),* а есть случаи, где добывается и более; оттого-то 30—40 рублей чистого дохода (105—140€. —

У. А.) от коровы считают самым обычным делом. Понятно, сколько тут выигрывает хозяйство вообще.

Поверят ли русские хозяева тому, что в Германии есть владельцы, которые, хозяйничая на принадлежащие им 120 десятинах (131,2 га. — *У. А.)* земли, получают до 10 тыс. рублей серебром чистого дохода (на сённяшнія грошы прыкладна 115 тыс. €)? А между тем земля эта непригородная, и всю работу делают наемные рабочие, и притом земля не истощается, а постоянно увеличивается в своей плодопроизводительности. Можно наперед предполагать, что этому или совсем не поверят мои соотечественники, или если и поверят, то в самоуспокоение скажут что: а) в Германии другой климат, б) другие пути сообщения, в) другая цена на продукты земли и г) притом у нас нет капиталов, и потому где же нам угнаться за иностранцами?

По большей части подобными ответами любит прикрывать себя русское земледелие, когда дело коснется сравнения его с иностранным. После таких ответов и вопрошающий удовлетворен, потому что причины действительно приведены весьма важные, да и ответивший тоже доволен, потому что он убежден, что лучше того, что сделано, при данной обстановке сделать нельзя. И в самом деле, как одолеешь трудности, проистекающие от путей сообщения, недостаточности капитала и проч.

На первый взгляд действительно кажется, что как будто бы все так и должно быть, как оно есть, но, вглядевшись в дело по ближе, ознакомившись с тем и другим хозяйствами во всех их тонкостях, приходишь и к противоположному убеждению. Невольно думается, что один сказал, а другой поверил потому, что обоим отговорка пришлась как-то по сердцу; вот и вошли эти отговорки в обыкновение. Правда, суров наш климат; но на широком пространстве России есть много хозяйств и земель, где климат нисколько не суровее германского, а между тем к чему приводит сравнение одноклиматных хозяйств русских с иностранными?

Возьмем, например, пространство на юг от Тульской и Орловской губерний, то есть всю Малороссию, Новорос-

сию, Волынь и Подоль (пространство это много больше всей Германии, если и не всей Западной Европы, и климат тут нисколько не суровее климата северных прусских провинций, а даже местами умереннее), и сравним наше хозяйство с прусским. В результате сравнения окажется, что они далеко не похожи одно на другое; у нас против Пруссии обнаружится страшная отсталость. А между тем отмеченная нами полоса имеет множество шансов перед Пруссией по естественному плодородию почвы! Ясно, что тут причина отсталости заключается не в суровости климата.

Далее, возьмем внутренние губернии, например подмосковные, или даже более северные, например местность около Петербурга и Новгорода. Опыт доказал, что травосеяние тут возможно, а следовательно, возможно и скотоводство в больших размерах; винокурни, пивоварни, маслобойни тоже возможны, как доказал тот же опыт. Так чему же мешает климат в хозяйственном отношении?

В северных провинциях прусских, взятых для сравнения, все хозяйство основывается на травосеянии и хозяйственной технике, что дает хозяевам возможность держать много скота, иметь от него достаточно навоза, получать хорошие урожаи и значительный чистый доход. Кто же мешает взять нам в основу для хозяйств те же правила? Конечно, не климат! Правда, может быть, у нас нельзя, например, в Тверской или Московской губерниях возделывать те растения, которые сеют в северной Пруссии (озимый рапс, люцерну или даже и пшеницу), но зато можно сеять другие не менее выгодные, которым наши зимы неопасны, например клевер, особенно красный, Тимофееву траву, лен, ячмень, картофель и проч. Может быть, возразят, что травосеяние у нас не так выгодно, потому, например, что у нас нельзя косить дважды в год, как это делается в северной Пруссии; но на такое возражение можно ответить, что есть случаи, что не только под Москвой, но даже и под Петербургом иногда косят траву дважды, а в Пруссии, наоборот, случается ограничиваться одним укосом.

Наконец, возьмем курляндское хозяйство — это уже не Германия и сравним его с хозяйством умеренной полосы России. И опять представится страшная разница. Странно, что курляндцам климат не мешает вести хозяйство рацинально, а следовательно, и доходно, а нам он мешает. Дальновидные из защитников правоты отсталости и тут найдут причины к оправданию: в Курляндии, скажут они, близость моря смягчает суровость зимы. До некоторой степени это справедливо, но не вполне; если бы такой защитник прожил зиму 1860 г. в Курляндии, то при неосторожности мог бы обморозить себе лицо точно также, как и в Подмосковье.

Интересно бы знать, что ответят господа, приписывающие хозяйственную неурядицу климату, на то, что за границей каждый вершок земли обложен порядочной государственной податью, а у нас нет. А ведь такая разница немаловажна! Положим примерно, что платится хоть по одному рублю с десятины (3,5€ за гектар. — *У. А.);* владельцу 300 десятин в Германии приходится платить ежегодно 300 рублей, а у нас эти же 300 рублей [хозяин получает] в чистом доходе. Притом иностранцы из-за тесноты населения возделывают скалы, зыбучие пески, а о болотах и говорить нечего, они им рады; а у нас при нашем просторе нет еще надобности в подобных крайностях, в пору успеть обработать годную землю. А как она у нас обрабатывается? У иностранцев все нужное для хозяйства необходимо купить — всех рабочих, от пастуха гусей и до истопника комнат, нанять и за все уплатить наличными деньгами; у нас же прежде все было чуть не даровое или по крайней мере оплаченное землей, а не наличной выручкой; а далеко ли ушли хозяйства наших землевладельцев?

Бесспорно, разница в климате имеет влияние на хозяйство; у нас, например, около Москвы нельзя пахать 4 декабря, а в Виртемберге в 1861 г. возили в это время навоз и запахивали его. Все это так, но, с другой стороны, не забудем, во-первых, того, что нет непременной надобности сравнивать именно Москву со Штутгартом. Россия, сла-

ва Богу, очень велика и разнообразна по климату; а во-вторых, того, что как ни велико влияние климата на количество дохода, все-таки ему одному нельзя приписывать ту громадную разницу, какая замечается на самом деле. Чтобы подкрепить справедливость наших слов примером, обращаем внимание наших читателей на небольшое имение покойного г-на Ланского между Боровском и Малоярославцем в Калужской губернии: там можно узнать, что г-н Ланской имел запашки около 120 десятин (131,2 га. — *У. А.),* а между тем он получал от 3 до 6 тыс. рублей в год дохода (ад 10,5 тыс. да 21 тыс. €. — *У. А.)*; значит, ему климат не мешал!

«Нет путей сообщения», — говорят наши хозяева в оправдание сельскохозяйственного застоя, — а потому у нас цена на продукты до того низка, что не стоит много хлопотать. Что пути сообщения, а следовательно, и удобный сбыт хозяйственных произведений составляют один из главных рычагов в деле сельскохозяйственного прогресса — это святая истина. Что они у нас не везде удобны, это тоже справедливо. Но, неужели у иностранцев уже нет никаких хлопот при сбыте произведений хозяйства? Неужели у них это так же легко, как перенести хлебное зерно из молотильного сарая в амбар? Везде есть свои трудности, свои препятствия, свои заботы, но заслуга хозяина состоит в умении преодолеть их. И иностранцы сплошь и рядом, находя неудобным обыкновенный сбыт своих продуктов земледелия, устраивают для них сбыт искусственный, между тем чрезвычайно выгодный; например, строят винокурни, пивоварни, крахмальные и сахарные заводы и маслобойни, перерабатывают на них хлеб, картофель, рапс; держат вследствие этого больше скота и откармливают его; скот же или продают и потребляют на месте, или же он сам на своих ногах доставит себя без больших хлопот к месту сбыта. Таким-то образом немецкие хозяева сбывают продукты у себя дома по хорошей цене и при этом имеют еще и ту выгоду, что у них из хозяйства почти ничто не отдаляется: ни барда, ни дробина, ни жмыхи. Что же ме-

шает делать это и у нас? Кажется, на сало, на кожи, на масло и особенно на водку в России везде сбыт хороший. Те же иностранцы купят их или же приедут за этими продуктами наши же купцы на дом, купят и заплатят за них чистые деньги. Значит, и тут вина не в одних путях сообщения, а в нежелании заняться делом правильно, в какой-то апатии к труду.

Далее говорят: у нас денег нет, не на что устроить технических заведений. А разве где-нибудь деньги валяются на земле? Они лежат в земле, надобно потрудиться, порыться в ней в поте лица, и деньги найдутся. Положительно можно сказать, что в Германии деньги достаются труднее, нежели у нас, да и добыть их там нелегко. Зато как там берегут и дорожат каждой [копейкой]! Можно смело сказать, что никто не даст [ее] даром, хоть умирай с голоду. Было время, когда опекунские советы давали деньги если не даром, то во всяком случае под необременительные проценты, и наши землевладельцы, как кажется, не пропустили случая этим воспользоваться: многие и весьма многие из них брали кредиты для улучшения своих хозяйств. Но что же из этого вышло? Успели ли мы, как должно, воспользоваться столь дешевым кредитом?

И в Германии далеко не все богаты на деньги; поэтому там нередко два или три соседа устраивают завод на паях, а вовсе бескапитальные доставляют на завод свои продукты за известную плату и таким образом устраивают взаимный сбыт, и притом весьма, как уже было сказано, выгодный. Что же у нас мешает идти теми же путями к сбыту? Может быть, тут виновата другая причина: наше неумение вести техническое дело; если так, то нечего слишком много ссылаться и на пути сообщения.

Жаловаться на дешевизну цен даже грешно. Дешевизна не всегда мешает доходности; надобно только позаботиться о том, чтобы получать как можно более продуктов с владеемого нами участка, тогда добытое, будучи продано и по дешевой цене, даст много. В Саксонии изумляет дешевизна на все продукты земледелия: например, в са-

мой ее столице — в Дрездене — за 15 грошей (каля 1,8€. — *У. А.)* можно иметь сытный обед из 5 блюд, что у нас невозможно ни в Москве, ни в Петербурге, ни в Харькове, ни в Киеве, ни даже на постоялых дворах при больших дорогах. А между тем нужно только взглянуть на саксонское земледелие, и оно приведет вас в истинный восторг.

Много приводят и других, по-видимому, законных причин отсталости русского хозяйства сравнительно с германским; но разбирать их мы не станем, а скажем, что опыты и наблюдения германских хозяев, как добытые в поте лица и с беспримерным терпением и как основывающиеся на точных исследованиях, могут быть хорошими и полезными руководствами для нас, тем более что и последнее препятствие к подражанию с нашей стороны, то есть крепостной труд, теперь более не существует в России. Значит, мы стоим теперь почти в одинаковых условиях с нашими соседями. Не разбирая действительных причин нашей отсталости в агрономическом отношении, перейдем прямо к рассмотрению причин, вследствие которых иностранцы так далеко опередили нас, и посмотрим, не найдется ли что-нибудь такое, что возможно к подражанию и приложению у нас в целях прогрессивного развития нашего земледелия.

8.2. Прычыны росквіту гаспадаркі Нямеччыны, якія выцякаюць з характару саміх землеўладальнікаў

Причины, которым земледелие в Германии обязано своим прогрессом, трех родов: а) вытекающие из характера самих землевладельцев; б) заключающиеся в приобретенном на опыте искусстве; в) исходящие от влияний общественных. (...)

Характерные, так сказать прирожденные, черты германского землевладельческого класса: трудолюбие, терпение и уважение к земледелию. О трудолюбии немцев много и говорить нечего. Достаточно взглянуть на горы, испещренные террасами, на пески, покрытые лесной порослью,

на болота с полезной и роскошной растительностью, на германские леса, луга и, наконец, на поля, чтобы понять, как усиленно боролся тут человек с естественными препятствиями, с какими пожертвованиями доставался ему каждый шаг вперед. В Германии нет искривленных хохлатых меж между загонами, нет камней на нивах, о которые ломается соха, бьются ноги рабочего скота и людей, ломаются косы и тупятся серпы. Не торчит навоз на пашне, из-под земли и таким образом не теряется он понапрасну; нигде нельзя встретить овса или ячменя, поросшего до того сурепкой, что трудно отгадать, что посеяно: сурепка ли в самом деле, или овес? И нужно видеть, с какой отчетливостью производится пашня в Германии, как кладутся пласты! Это не поле, а канва! Над рабочим не стоит надсмотрщик с хлыстом; рабочий, как артист-живописец, терпеливо с любовью и весь погруженный в дело работает не спеша; он едва ли не более самого хозяина огорчится, если ему случится сделать огрех. Таков работник; обратим теперь внимание на хозяина. Он ранее всех встает и позднее всех ложится, а между тем здоров, крепок и свеж; ему наперечет известно состояние каждого рабочего орудия и животного; во всей владеемой им земле не найдется ничтожного клочка, с качествами которого он не был бы коротко знаком: история этого клочка, то есть когда и что на нем было посеяно, как он был удобрен, что дал, — все это ему известно во всей подробности. Не подумайте, что бы это был собственник у которого всего два или три гектара земли; нет, это владелец шести тысяч моргенов и более (прыкладна 1640 га. — *У. А.)*. (...)

«Дайте нам таких работников, как в Германии, и мы сумеем привести свои поля в порядок, сделаем их лучше немецких. С нашим же мужиком ничего не сделаешь!» Такие отзывы приходилось нам не раз слышать от весьма многих из наших землевладельцев и особенно от землевладелиц. Извольте, отвечает опыт, извольте взять работников-немцев и докажите вашу ретивость! Но тут вам скажут: дайте нам таких же рабочих лошадей, как в Герма-

нии, дайте такие же плуги и дайте капиталу купить скот и обзавестись хорошим инвентарем и стройкой, а затем еще попросят германского климата и проч. И все-таки при русском нетерпении и торопливости ничего не сделают. Или начнут делать, а потом бросят его или так поведут, что сами не узнают его через два или три года. Примеров этому немало!

Нет, не помогут нам всего исполнить работники из Германии; они в случае сильного недостатка в рабочих руках могут только разве не дать остановиться делу вовсе, но не более; подвинуть же наше земледелие вперед по незнакомству с нашими условиями и неимению в руках административного права они не могут и потому не сделают переворота в нашем земледелии. Скорее даже можно опасаться того, что они, придя на нашу землю на нас работать, сделаются гораздо менее деятельными и трудолюбивыми, чем были прежде. Уж такова наша доля! Прежде всего нам нужно поранее вставать и попозднее ложиться, полюбить землю и земледелие так, как любят немцы, да основательно изучить приемы обращения с землей — хоть опять у тех же немцев. Короче говоря, нам надобно быть трудолюбивыми до неусыпности, тогда дело скоро пойдет вперед и мы гораздо менее будем нуждаться в капитале.

Совершенно справедливо то, что наши работники не так аккуратны, как в Германии; они нуждаются в присмотре за ними, но это потому, что им не привита любовь работать, что не развита у них способность гордиться результатами труда. Пусть сам хозяин будет для них живым примером трудолюбия, пусть не отлучается от них, пусть понимает сам всякую работу настолько, чтобы одних мог благодарить за добросовестность, а другим делать замечания и наставления за неисправность, наконец, пусть хозяин в душе будет сам земледелец. Посмотрите, как быстро тогда переменится русский мужичок, как отчетливо станет он работать и у опытного распорядителя сделает не менее немца, да и не хуже. Наши работники сделают все, если захотят только, но вызвать это хотение зависит

от администрации; для этого пусть она сама будет примером трудолюбия и деятельности. (...)

Своими успехами в земледельческой промышлености германские хозяева обязаны хладнокровию и терпению, так же как англичане прогрессом механики. Вот почему и немец, и англичанин считаются олицетворенным хладнокровием. В самом деле если немец берется за какое-нибудь предприятие, то он выполняет его не спеша; если и случатся неудачи, он не теряется, а начинает пробовать и так и иначе, и долго ли, коротко ли добивается желаемого результата, но не бросает дела на половине; а если же и оставит, то не иначе, как основательно убедившись в несостоятельности его. Нужно взглянуть, как он пашет: тихо, верно и даже как будто непроворно; а между тем сработает много и отчетливо, потому что не бывает остановок, необходимых последствий поспешности, и при этом рабочий скот не измучен, орудие не поломано и сам он не устал; мне не случалось видеть, чтобы работник гнал или бил лошадь. В делах административных те же хладнокровие и терпение, а потому и отсутствие всякой увлекательности. Посмотрите, например, как немец покупает какое-нибудь новое орудие или машину. Сначала он осмотрит ее и сам опробует, потом спросит, где подобная машина есть в хозяйстве, поедет туда, расспросит обстоятельно, насколько ею довольны, даже привезет с собой работника и посмотрит, сумеет ли он обойтись с ней, и уже после всего этого решается купить и уже не раскаивается. Терпению немецкое земледелие обязано хозяйственному расчету и учету относительно питательности кормов и проч.

Страшную противоположность в этом отношении представляет русская натура, увлекательная и нетерпеливая. Увидим хороший и выгодный завод, мы тотчас приступаем к постройке подобного, но при первой же неудаче, иногда единственно от неумения обращаться с делом бросаем его. Вот отчего теперь пустует по имениям столько разного рода заводов и фабрик, а о разбогатевших от фабрик что-то слышно мало. Даже совсем было обрекли Рос-

сию на одно земледелие как страну и неспособную, и неудобную для мануфактурной промышленности. А все увлекательность и недостаток терпения! Увидим у соседа хороший скот, спешим и у себя завести, а при первом падеже браним себя за покупку и уж не думаем возобновлять стада и другим не посоветуем обзаводиться скотом. Увидим локомобиль, и его решаемся приобрести, даже не удостоверившись, сумеем ли мы с ним сладить; а при первой порче по незнанию ухода браним машину, браним продавца, хотя кругом виноваты мы сами. То же сплошь и рядом замечается и при заведении полевых систем, в стройке и проч.[1].

Разумная бережливость видна у немцев и в особенности у немецких фермеров во всем, начиная от мелочей и кончая важными предметами. Ни на ничтожной ферме, ни на ферме богатого владельца нельзя встретить ничего такого, что бы сделано было лишь для прихоти. Ни-пример, можно встретить в саду изящную беседку, обсаженную виноградом, но приблизитесь к ней, и вы узнаете, что внизу ее устроен хозяйственный погреб. Есть в садах красивые дорожки, чистые и опрятные до изящества, но по ним не гуляют только, а ездят и ходят рабочие по делам хозяйства. Есть фонтаны, но они не просто служат для красы, а снабжают водой огороды. Встречаются парки, но в них половина фруктовых деревьев, между которыми косится трава. Есть цветники, или, правильнее сказать, трудно отыскать домик, где бы не было цветника, но тут же между клумбами находятся грядки с салатом, огурцами и другой съедобной зеленью. Короче говоря, если что

[1] Трэба адзначыць, што тут А. Бажанаў дае характарыстыку хутчэй расійскай натуры, а не беларускай, бо ў пачатку XX ст. некаторыя вучоныя (А. Смоліч і інш.) апісвалі выразную розніцу паміж паводзінамі і складам характару беларусаў і расійцаў; высвятляюцца яны і зараз, напрыклад, калі міжнародныя кампаніі праводзяць маркетынгавыя апытанні пакупнікоў у Беларусі і Расіі; наш беларускі тып стаіць недзе пасярод нямецкага ці якога-небудзь швецкага тыпу і расійскага тыпу; падабенствы беларускага тыпу да нямецкага адзначалі нават нямецкія акупанты падчас Першай і Другой сусветных войн. — *У. А.*

и сделано собственно для удовольствия, то всегда тут же рядом положено в основание полезное и доходное, окупающее удовольствие без обременения хозяйства.

Строения хозяйственные нигде не носят отпечатков роскоши, а, напротив, всюду видна забота об экономическом удобстве и о безопасности от огня; весь расклад строений свидетельствует о бережливости, и потому, как увидим далее, эти здания своим расположением много содействуют сбережению рабочих рук, дают возможность управиться с работой двум человекам там, где при ином устройстве понадобилось бы пятеро. Почти все здания крыты черепицей, тогда как, казалось бы, многие из них могли бы быть покрыты соломой; употребляется же черепица не для одной красоты и прочности, но и с целью, чтобы меньше платить процентов в страховое от огня общество.

Не видно нигде, чтобы что-нибудь валялось без внимания; всему придумано свое помещение: есть место для пахотных орудий, телег и тачек; есть особое для лопат, граблей, ручных мотыг и прочих мелких орудий; есть для дров, для мусора и щепы и проч., так что никакая вещь не валяется в грязи, не мочится дождем и не расхищается, а все на виду у хозяина, и потому в случае порчи чего бы то ни было сейчас же видно, что именно попорчено, когда и кем.

При хозяйстве в 150 наших десятин (163,8 га. — *У. А.)* запашки непременно уже есть и небольшая мастерская для починки орудий и для поделки простейших вновь; нередко при такой мастерской содержится машинист на общий счет с соседями с тем, что он обязан по крайней мере раз в неделю осматривать на соседних фермах хозяйственные машины и при малейшем признаке порчи их исправлять и вообще разъяснять способы обращения с машиной там, где в таком разъяснении имеется надобность. Хозяева малоземельных ферм в такие мастерские отдают в починку свои орудия, а иногда тут же и приобретают новые, и таким образом небольшое механическое заведение не только ремонтирует орудия хозяина, но еще

иногда и дает чистый доход, не говоря уже о пользе, приносимой таким заведением всему району.

Расчетливость иногда простирается чуть не до смешного, но это извинительно там, где именно все достается трудом и поэтому все имеет свою ценность. Например, случается, что три фермера (и заметьте не бедных) покупают на общий счет плуг (например, тяжелый плуг для пахоты плотных глинистых почв или плуг для копки картофеля) и употребляют его по очереди в случае надобности. А что многие из хозяев имеют на общий счет молотилки — это дело очень обыкновенное. (...)

Если вы войдете в деревенский дом владельца, получающего, положим, примерно от 8 до 10 тыс. талеров годового дохода, то вас поразит, во-первых, баснословная чистота, во-вторых, отсутствие швейцара, лакеев, а встретите вы только служанку, тогда как семейство состоит иногда из 5 или 6 человек, и между тем все члены семейства выйдут к обеду одетыми просто, но чисто до изысканности. Одна и та же служанка и накрывает на стол, и подает, и собирает, словом, делает все то, что у нас не успевают сделать четверо. Поучительная расчетливость! Но зато редко и услышите жалобы на бескапитальность. (...)

... Правда, внимание к хозяйственным предметам иногда доходит у немца до мелочности, до педантизма; но где же нет своих слабостей, а подобные слабости более чем извинительны, ибо в основании их лежит польза, экономия. Например, с каким восторгом говорит немец, если он разохотится говорить, о старом плуге, который как-то был куплен еще в 1790 г. его дедом, или о дереве в саду, которое было когда-то попорчено ветром, но потом поправлено хозяином, подперто и теперь приносит плоды, или о казни крота, который долго портил луг и, наконец, после разных ухищрений был пойман. Рассказчик подведет вас к компостнику, где приготовляется из всякой всячины искусственное удобрение, нисколько не задумавшись, возьмет горсть его в руку, понюхает сам и из вежливости предложит понюхать и вам и даже предложит попробовать

на ощупь между пальцами. Чуть только он заметит малейшее равнодушие с вашей стороны, он считает долгом объяснить вам, что это тук, что его не нужно бояться, что это то, из чего состоят растения, употребляемые нами в пищу. Такие искренние, непритворные внимание и любовь к делу, неужели не заставят самого дела быть признательным делателю? И в самом деле трудно отыскать предмет, как бы он не казался на вид ничтожным, который не мог бы иметь полезного употребления в хозяйстве: ни клочок бумажки, ни выметенная пыль из комнат, ни кухонные и другие остатки — ничто не должно пропадать в хорошем хозяйстве, всему можно найти назначение и употребление. Так и поступают сельские хозяева в Германии.

Вследствие любви к земледелию и продолжительных наблюдений над путями его развития у германских хозяев сформировалось одно убеждение, также составляющее черту их характера: именно убеждение, что хозяйство тогда только может процветать, когда им лично занимается тот, кому оно принадлежит. Понятно, что это убеждение прямо обязывает хозяина быть деятельным и понимать дело; в противном случае, его личное участие в администрации скорее спортит дело, нежели принесет пользу. (...)

Говоря это, мы не имеем в виду упрекать наемных администраторов в недеятельности; при всех усилиях они не могут делать таких успехов, как сами хозяева, ибо каким бы доверием ни пользовался управляющий от владельца, он всегда находится в зависимости от последнего и потому нередко отказывается от весьма выгодных предприятий только потому, что не решается приступить к ним сам, без позволения хозяина; а ожидать разрешения часто бывает бесполезно, ибо пока оно придет, предприяие может принять другое направление и не принести прежней выгоды. Вот почему германские хозяева убеждены, что для вполне успешного ведения хозяйств личное присутствие владельца необходимо.

А между тем есть много случаев, когда наем администраторов решительно неизбежен; например, когда владелец

состоит на государственной службе, когда имения одного и того же лица далеко раскинуты, находятся на большом расстоянии друг от друга. Для подобных случаев во многих местах Германии заведены инспекции. Это особый способ управления имениями и притом очень рациональный. Инспектор врученных ему имений или только известных каких-либо отраслей хозяйства ведет жизнь кочевую в полном смысле этого слова. Принимая участие в управлении имениями, находящимися в разных местах и принадлежащими разным лицам, и нередко совместно с самими владельцами, он направляет или целое хозяйство, или только одну какую-либо отрасль его, например овцеводство, технику, или торфяную часть, или собственно земледелие, словом, ту отрасль, которая составляет его специальность. Разумеется, он приезжает в имение время от времени, смотря по надобности. При этом в первый приезд он дает программу для действий по заданной им отрасли и указывает легчайшие способы к выполнению ее; в другой свой приезд он делает проверку заданным работам, строго ревизует отчетность, короче говоря, проверяет и исследует все то, что относится к отрасли, которую он направляет, и затем снова дает программу для выполнения.

Инспекции сильно подвинули и быстро двигают вперед сельскохозяйственную промышленность в Германии; цветущее состояние овцеводства, распространение технических заведений, умное приспособление к хозяйству полевых систем и их разнообразие — всем этим многие германские хозяйства обязаны инспекторам. Заметьте, что инспектора нисколько не обременительны для хозяйства: обыкновенная им плата 50—60 и до 100 талеров, — смотря по отрасли хозяйства и ее размерам; в большей же части случаев инснектор получает только известный какой-нибудь процент из чистого дохода. В тех хозяйствах, где заведуют сами владельцы, инспектора суть лучшие руководители и наставники, а там, где заведует наемная администрация, они в одном лице и руководители, и ревизоры. Кроме того, они оказывают и другую пользу. Положим,

в имении на овчарне обнаруживаются какие-либо недостатки: шерсть жидка или груба либо нехорош завиток и проч. Инспектор обязан тотчас сообщить об этом владельцу или его управляющему, и указать, откуда они могут приобрести с надлежащими качествами животных для уничтожения недостатков в стаде путем скрещивания, а равно объяснить, сколько это будет стоить и какой способ доставки животных наилучший. Или, если хозяин недоволен севооборотом, желает его изменить, а между тем затрудняется и в самом переходе, и в приобретении семян, и даже в уходе за вводимыми вновь растениями, то инспектор хозяйства обязан сделать проект новой системы, применяясь к условиям и цели хозяйства, объяснить лучший путь к переходу, указать, где можно взять лучших семян, ознакомить с приемами ухода, а также указать, где выгоднее приобресть такое-то орудие, машину и проч. Словом, инспектор в развитии известной отрасли есть полный дирижер; для местной администрации остается только часть исполнительная. Устроивать же сделки насчет покупки животных, семян и прочего инспектору очень удобно, потому что, участвуя в управлении многих имений, он знает, где и что есть лучшего и выгоднейшего.

У каждого инспектора есть ученики, которых он берется за известную плату подготовить к какому-либо делу, разумеется, по своей специальности. Этих молодых (но нередко и пожилых) людей, если они уже достаточно подготовлены, инспектора иногда оставляют в подведомственных им имениях, когда местная администрация затрудняется в выполнении данной ей программы; вместо администрации выполняет программу ученик и притом почти без всякого вознаграждения — он только получает квартиру от имения; стол же администрация может ему и предложить, и не предложить, ибо ученик получает столовые деньги от инспектора. Надо сказать правду, инспекции суть лучшие популяризаторы и источники для получения недорогих овчаров, винокуров и так называемых шпекторов, то есть людей вроде наших приказчиков. Очень

важно еще и то, что, рекомендуя шпектора, инспектор вместе с тем принимает на себя и поручительство за него; следовательно, нанимающий спокойнее, а рекомендуемый хорошо знает, что в случай худого выполнения своей обязанности он потеряет не только место, но и право на получение должности во всех тех местах, куда простирается влияние рекомендовавшего его инспектора. Вот почему, между прочим, в Германии не жалуются на недостаток ни винокуров, ни торфмейстеров, ни овчаров, ни машинистов. (...)

8.3. Прычыны росквіту гаспадаркі Нямеччыны, якія выцякаюць з атрыманага вопыту гаспадарання

Мы представили читателям очерк характера германских землевладельцев, набросанный с натуры. В этом характере заключаются между прочим (как мы сказали) коренные причины процветания германской земледельческой промышленности. Теперь переходим к рассмотрению другой стороны деятельности хозяев — стороны не прирожденной, а приобретенной, искуственной — с целью уяснить себе, насколько и она, в свою очередь, содействовала прогрессу земледелия. Эта сторона особенно рельефно проявляется в умении: а) сочетать разные хозяйственные отрасли так, чтобы они взаимно друг другу помогали; б) добывать кормовые вещества для скота; в) накоплять, беречь и употреблять навоз; г) устраивать искусственный сбыт товаров; д) сокращать расходы на рабочие руки через эконо мичное расположение сельскохозяйственных зданий и е) вести отчетность по хозяйству.

В земледельческой промышленности всех стран мира удачный ход дела преимущественно обусловливается правильным сочетанием хозяйственных отраслей — умением (а это умение предполагает хорошее понимание характера местности и условий, в которые она поставлена) завести ту или другую систему сообразно предполагаемому для содержания количеству скота, и, обратно, содержать ско-

та столько, сколько нужно для поддержания плодородия земли. Для успеха необходимо, чтобы оба базиса хозяйственного предприятия — земледелие и скотоводство — шли рука об руку, взаимно поддерживали друг друга, находясь в правильном отношении ко всему оборотному капиталу. Если это условие выполнено, тогда и прочие отрасли хозяйства — вспомогательные, в особенности если они разумно прикреплены к тем же двум базисам, — легко сделать вполне производительными, легко направить так, чтобы и они приносили хозяину возможно больший доход.

Надо сознаться, что верно решить задачу, о которой идет речь, — значит решить наитруднейшую задачу земледелия. Правильность соотношения между различными отраслями хозяйства есть, так сказать, фокус, в котором концентрируются лучи всех агрономических сведений, как практических так и теоретических. Одна наука — агрономия — не в силах привести человека к этому фокусу; она указывает желающему миллионы возможных путей к решению, но ни одного из них не рекомендует как вернейшего; выбрать тот или другой из путей должен сам хозяин, применяясь к тем условиям, в которых должна вращаться его деятельность. А такой выбор тогда только не труден, когда выбирающий равно хорошо знаком как с правилами теории, так и с практической стороной дела.

Важность правильного сочетания хозяйственных отраслей давным-давно понята германскими агрономами. В Германии трудно встретить такое хозяйство, где бы не была соблюдена правильность соотношения земледелия к скотоводству, удобрения к запашке, капитала к предприятию и проч. Рассчетливый германский фермер ничего не делает на авось, без предварительного точного расчета: земли он обработает именно столько, сколько позволяет оборотный капитал; каждый вершок ее он считает одинаково важным, и потому вся владеемая им земля сообразно ее производительной силе и хозяйственной цели с равным вниманием обрабатывается и удобряется. Излишества ско та при сравнительно ограниченном количестве добывае-

мого корма фермер ни в каком случае не допустит, и, наоборот, если кормовых веществ оказывается более чем сколько нужно для домашнего обихода, то излишек их не продается на сторону (за исключением крайних случаев), а приобретается скот в количестве, соразмерном излишку корма. Таким образом, всегда устанавливается правильность соотношения между количеством корма и количеством скота. Вообще, отчуждение кормов из хозяйства путем продажи в Германии считается делом неправильным, так же как и покупка корма в случае постоянного его недостатка. Такая покупка в виде исключения допускается только в хозяйствах пригородных или вообще таких, которые имеют возможность приобретать навоз со стороны независимо от накопливаемого в хозяйстве.

Русского хозяина в Германии поражает огромное несходство полевых систем в хозяйствах, не только отстоящих одно от другого на большое расстояние, но даже и находящихся бок о бок. Нередко, например, можно встретить рядом две фермы, совершенно равные как по величине, так и по природной плодопроизводительности полей и находящиеся при одинаких условиях по климату и сбыту, а между тем севообороты на этих фермах совершенно различны. На одной, например, преобладает посев кормовых растений (клевера, люцерны, турнепсов и даже свекловицы на корм скоту), а на другой берут перевес масличные растения (рапс, мак и пр.) и уменьшен посев кормовых. И тут же рядом вы можете, пожалуй, встретить хозяйство, где очень много земли занято под картофель и ячмень.

При внимательном рассмотрении дела оказывается, что все трое хозяев при введении своих систем действовали на основании очень верного практического расчета: у первого доход основывается на сбыте молочных скопов (скоплений. — *У. А.),* и с этой целью при ферме имеется сыроварня; у второго заведена маслобойня, он, кроме того, что сбывает соседу по выгодной цене молоко, занимается и откармливанием скота жмыхами, вот почему и введены в севооборот масличныя растения; у третьего в ходу винокур-

ня. Таким образом, каждый из хозяев имеет в виду одну и ту же главную цель, то есть извлечение наибольшего дохода из земли, но пути, избранные ими для достижения этой цели, очень различны, ибо применены к тем условиям, в которых находится каждый из хозяев.

Будучи хорошо знакомы с природой хозяйственных растений (с условиями, благоприятствующими их произрастанию) и со свойствами обрабатываемой земли, германские фермеры всегда умеют удачно выбрать растения, наиболее пригодные для той или другой почвы, приготовить для них землю надлежащими обработкой и удобрением; короче говоря, умеют выбрать и взрастить именно те растения, которые наивыгоднее и наиудобнее к сбыту. Вот почему здешние поля поражают вас своей пестротой, разнообразием растительности. Рядом с кукурузою вы встречаете рапс и табак; тут же вы видите овес, пшеницу, клевер и люцерну, а около них — мак, бобы, турнепсы и желтые люпины. Если вы мало-мальски знакомы с германским земледелием, то род возделываемых растений уже объясняет для вас многое. Так, вы наперед знаете, что где растут желтые люпины, там наверное почва сильно песчаная, а где посеяны пшеница и бобы, там почва глинистая; что кто сеет кукурузу, тот занимается откармливанием птиц, а кто сеет мак или рапс, тот или имеет маслобойню, или же сбывает эти растения соседу и непременно с условием, чтобы жмыхи были отданы ему обратно, и т. п.

В России не то. У нас зачастую можно встретить на протяжении целого уезда, чуть не целой губернии, одну и ту же трехпольную систему. Несмотря на то что у одного из землевладельцев земля плодороднее, у другого беднее, у одного глина, у другого песок, у одного есть заливные луга, а другой их не имеет, у одного сбыт за 5 верст, у другого за 50 — невзирая на все эти разницы, всюду, за небольшими исключениями, господствует трехпольная система! Спрашивается, есть ли тут хоть тень понимания хозяйства? Едва ли при таких условиях нам принесут пользу и работники, выписанные из Германии! (...)

На основании данных опыта можно сказать только одно: если земля от природы довольно плодородна, то надо стараться, чтобы на каждую квадратную сажень (4,55 м^2. — *У. А.)* ее приходился 1 пуд (16,38 кг. — *У. А.)* навоза по крайней мере каждые шесть лет. Конечно, еще лучше, если удобрение будет вноситься через четыре года. При введении в систему масличных и прядильных растений необходима двойная пропорция навоза против упомянутой. Отсюда и выходит, что хозяйство, при котором имеется 200 десятин запашки (218,5 га), должно ежегодно накопливать навоза на 33 десятины (36 га), или 80 тыс. пудов (1300 т), потому что в 33 десятинах земли находится до 80 тыс. квадратных саженей (364 тыс. м^2). Сколько же для получения этой массы навоза нужно держать скота? Это зависит от того, какой скот содержится и чем и как он кормится. Если рассчитывать, что каждая корова даст с подстилкой 300 пудов в год (5 т), то коров должно держать 260; если же корова может давать по 600 пудов (столько получают в Германии при содержании скота круглый год на стойлах), тогда, конечно, можно иметь скота наполовину меньше. Если, кроме крупного рогатого скота, содержатся еще овцы, много свиней, лошади, то, само собой разумеется, хозяйство может обойтись еще меньшим количеством коров. Вот главное правило германских фермеров: нужно держать столько скота, чтобы он поедал без остатка весь корм, получаемый в хозяйстве: сено, мякину, солому и проч. Если же при хозяйстве есть какое-либо из технических заведений, в таком случае необходимо увеличить количество скота и при этом наверное рассчитывать на высший доход от целого хозяйства.

На всякий предмет в хозяйстве, ценный ли он, или малоценный, а равно и на всякую операцию, даже на самую работу, фермеры в Германии смотрят как на капитал (что совершенно справедливо), и потому первый вопрос, который задает себе хозяин при виде чего-либо в хозяйстве, есть следующий: приносит ли это пользу? Можно быть уверенным, что при малейших данных, убеждающих в бездоход-

ности известного предмета, предмет этот более не получит места в хозяйстве. Пусть, например, корова, почему бы то ни было, сделалась яловой (впрочем, в Германии едва ли ее допустят до того), ее тотчас начнут откармливать на убой или же определят в работу вместе с волами. Пусть ива, отпрыски которой в течение 20 лет служили материалом для топлива, ослабит свою побегопроизводительность; иву тотчас же срубят и заменят новым деревом. Такому взгляду на дело все отрасли германского земледелия обязаны тем, что они всегда приносят пользу, за исключением, конечно, случаев, стоящих вне распоряжений и влияния хозяев.

Сверх того, и это всего важнее, такой взгляд привел хозяев к убеждению, что действовать на авось нельзя, что не должно предпринимать что-либо, если нет для того надлежащего капитала, вещественного и нравственного. Поэтому, если германский землевладелец видит, что у него нет достаточного капитала для надлежащей обработки 100 десятин (109,25 га. — *У. А.),* а хватает его только на 60 десятин (65,5 га. — *У. А.),* то излишние 40 десятин он сдает в аренду другому; сам же управляется с 60 десятинами, обрабатывает их и удобряет так хорошо, как только может. Результатом такого распоряжения бывает то, что 60 десятин дают хозяину более дохода, нежели сколько принесли бы 100 десятин, не обработанных надлежащим образом из-за недостатка капитала, а между тем и отданные в аренду 40 десятин тоже доставляют доход в виде арендной платы. (...)

Благодаря умению установить правильное соотношение между главными отраслями сельскохозяйственной промышленности, между земледелием и скотоводством, германский фермер имеет возможность добывать в большом количестве кормовые вещества, а следовательно, и накопливать достаточно удобрения. Главную роль в полевых германских системах играет травосеяние. Этому благодетельному введению, сделавшему переворот в германском земледелии, положил начало [А.] Теэр. Заслуги знаменитого

агронома вполне оценены его соотечественниками; портреты его можете встретить почти на всякой ферме, а памятники — во многих городах. [А.] Теэр — живое доказательство того, как много добра краю может принести один человек хорошо обдуманным делом. Разве могли бы германские землевладельцы получать такие проценты со своих отощавших с течением времени полей, какие они получают теперь, если бы им было не знакомо травосеяние? И могли ли бы государства получать такую подать с земель, какую получают теперь, если бы не было искусственного травосеяния? Травосеяние дало хозяевам возможность получать больше корма, а потому больше держать скота, более получать навоза и, следовательно, иметь лучшие урожаи и большие доходы. Вышло то, что, несмотря на увеличение народонаселения, продовольствия хватает для всех и никто не ест хлеба пополам с мякиною. Та же земля начала давать вдвое и втрое большие урожаи, не уменьшаясь в своей производительности, а даже постепенно усиливаясь. Вот истинное торжество науки агрономии! Вот блистательный пример перехода науки из тесного кабинетного круга в широкую область практической жизни, приложения теории к практике!

На всем протяжении Германии вы не найдете ни одного хозяйства, где бы не возделывались кормовые травы. Как бы ни была велика или мала запашка при хозяйстве, занимает ли она тысячи моргенов или только несколько моргенов (4 маргена = 1 дзесяціна = 1,0925 га; значыць, гаворка ідзе пра запашку ад 270 да 0,5—1,0 га. — *У. А.),* принадлежит ли она богатому владельцу, или мелкому собственнику, или арендатору, всегда можно найти посев травы. На первый взгляд даже может показаться странным, для чего в хозяйстве, имеющем весьма мало земли, притом приобретенной по дорогой цене, обрабатываемой наймом и оплачивающей за себя государственную подать, для чего в таком хозяйстве половина земли или даже более занята кормовыми растениями? Почему бы, кажется, не посеять ржи, пшеницы, овса, рапса — словом, тех растений,

которые по уборке тотчас же могут быть проданы за наличные деньги? Какой расчет занимать землю травами, когда они исключительно составляют предмет домашнего потребления? Но если вы всмотритесь в дело поближе, то убедитесь, что если поступить иначе, то хозяйства нельзя было бы и вести, убедитесь, что земля, дающая обильные урожаи колосовых растений, обязана своим плодородием именно травам; не будь трав, не было бы удобрения, а следовательно, не было бы и урожаев. Положив, таким образом, в основу хозяйства травосеяние, германские хозяева вследствие этого никогда не пожалуются на необходимость зачастую кормить скот гнилой соломой с крыш и на недостаток удобрения. Если имение пригородное, то владелец его даст такой-то расклад своему севообороту, если же имение отдаленное, то даст другой, например во что бы то ни стало устроит какое-либо из технических заведений с целью облегчить себе сбыт продуктов и через это нередко так округлит хозяйство, что в отношении доходности оно нисколько не уступает пригородному; но в обоих случаях травосеяние введется непременно. (...)

На весьма многих германских фермах, или, правильнее сказать, на большой части ферм, кроме посева кормовых трав, введены еще и посевы других кормовых растений, например турнепса, топинамбура, кормовой свекловицы, капусты. Особенно распространены турнепсы, ибо они не только служат здоровой пищей, но и оказывают весьма благоприятное влияние на молочность. Передовые же германские фермы путем опыта пришли даже к такому заключению, что для получения возможно высшего чистого дохода от хозяйства недостаточно одного введения кормовых растений, а необходимо еще иметь при хозяйстве технические заведения: винокурни, пивоварни, маслобойни, сахарные и крахмальные заводы и проч.

Основанием такому заключению служит то, что как бы осторожно и умно не было установлено соотношение между земледелием и скотоводством, во всяком случае земля, доставляя хорошие урожаи, будет только поддерживаться

в своем плодородии, но не улучшаться в своих качествах, а если и будет улучшаться, то слишком медленно. Напротив, если в хозяйстве имеются технические заведения, то всегда можно держать скота более, нежели сколько поля могут производить корма (ибо, например, барда, дробина, жмыхи и прочее принадлежат к числу весьма питательных веществ), а следовательно, и смело рассчитывать на большее количество удобрения. Действительно, при таком методе с полей почти ничего не отчуждается, а все взятое почти целиком возвращается назад в виде удобрения. А насколько такой распорядок облегчает сбыт хозяйственных произведений! Вообще, после опытов германских хозяев нельзя уже сомневаться в том, что учреждение при хозяйствах технических заведений для переработки сырых материалов может намного повысить чистый доход.

Без удобрения, как уже не раз замечено было, земля плодопроизводить не может — это аксиома! И потому, чтобы иметь урожаи — чистый доход, нужно сначала иметь удобрение. Германские фермеры добывают удобрения тремя способами: а) или накапливают его от имеющегося в хозяйстве скота, б) или приготавливают искусственно, в) или покупают. (...)

Накоплению навоза в больших размерах весьма содействует обыкновение содержать скот круглый год в стойлах. Такой способ содержания скота вошел почти во всеобщее употребление, так что теперь редко можно встретить такие хозяйства, где бы скот выгонялся на пастбища. По мнению германских хозяев, скот следует непременно держать в стойлах по двум причинам: во-первых, потому, что при этом получается больше навоза, а во-вторых, потому, что в экономическом отношении выгоднее кормить скот готовым кормом, чем подножным. С тех пор, как повсеместно вошло в обычай содержать скот в стойлах, падежи сильно уменьшились — даже до того, что теперь о них почти не слышно. Хозяева считают содержание скота в стойлах наилучшей предупредительной мерой против [болезней]; вследствие этого мнения они даже перестали

страховать свой скот от падежа. Редко случалось мне встречать такие хозяйства, где бы скоту для предохранения от заразы были сделаны прививки. К удивлению моему, я не раз встречал хозяев, и даже очень образованных, которые решительно считают прививку делом совершенно излишним. По их мнению, правильное содержание скота, и притом содержание в течение всего года в стойлах, есть наидейственная преграда против всякого рода падежей.

Что при содержании скота в течении круглого года в стойлах накопливается навоза почти вдвое более — это понятно. Понятно и то, что при таком способе содержания скот лучше уберегается от заразы и, следовательно, много реже падает, чем при обыкновенном. Но, действительно ли, выгоднее держать скот летом в стойлах, чем на пастбищах? Такой способ содержания не увеличивает ли расходов на корм и по найму рабочих рук? Мы уже отмечали, что германские хозяева не предпринимают ничего, пока не убедятся самым положительным образом в выгоде предприятия. Поэтому если они находят более выгодным возделывать летом корм и давать его скоту в зеленом виде, скошенным и готовым, нежели выпускать коров на пастьбу, то уже это одно прямо говорит, что первый способ лучше второго. Преимущества первого способа содержания скота перед вторым, выгонным, состоят в следующем.

Во-первых, как было сказано выше, навоза получается вдвое более, и скот предохраняется от падежей. Последнее обстоятельство уже само по себе так важно, что его одного достаточно, чтобы решить вопрос об относительном достоинстве обоих способов. Во-вторых, коровы, содержимые в стойлах, требуют для своего пропитания вдвое меньшее пространство земли против того, которое бы им понадобилось под пастьбу, даже в таком случае, когда пастбища с хорошей травой; в противном же случае [такого пространства] понадобится вчетверо или даже вшестеро больше. В-третьих, скот, содержащийся в стойлах, постоянно находится на глазах у хозяина, всегда сыт и избавлен от мучительной жары и насекомых. Наконец, в-четвертых,

уход за скотом при первом способе постоянно остается один и тот же (а это обстоятельство немаловажное), ибо он поручен круглый год почти одним и тем же скотникам и скотницам. Вся разница ограничивается лишь следующим: если в имении 50 коров, то на летние месяцы принимают одного работника, а если 100 коров, то, кроме работника, берут еще работницу или мальчика (по нашему пастуха и подпаска), для того чтобы они ежедневно подкашивали и подвозили корм. (...)

Следовательно, содержание скота летом на стойлах представляет много важных преимуществ; вот почему способ этот и вошел почти во всеобщее употребление в Германии. Перед хозяином можно, естественно, поставить следующие вопросы.

1. Не страдают ли животные, постоянно содержимые в стойлах, от недостатка движения? Опыт показал, что животные, содержимые в стойлах, болеют гораздо реже тех, которых постоянно гоняют на пастьбу. Заметим притом, что скот, содержимый в стойлах, не остается вовсе без моциона: в летние месяцы ему ежедневно и даже два раза в день (утром и вечером) дают погулять. На некоторых фермах сверх того прогоняют его ежедневно через пруд с водой, нарочно устроенный для этой цели, и таким образом доставляют ему купание. В зимние же месяцы скот в хорошую погоду дважды гоняют на водопой, что заменяет ему прогулку, и потому даже на тех фермах, где вода проведена прямо в стойла, ею скот поят в стойлах только тогда, когда находят неудобным почему-либо гнать его на водопой.

2. Не пропадает ли трава по межам, отава после покосов, колос на поле после уборки озимых и яровых? Короче, не пропадает ли то, что не убирается, но что коровы бы могли подобрать? Для того чтобы не было этих потерь, в каждом хозяйстве держат овец, и их-то, как небоящихся заразы, пускают подбирать остатки.

3. Возможен ли подобный способ содержания скота в России? Способ этот положительно возможен, и он, несомненно, принесет и у нас столько же пользы, сколько

принес в Германии. Кто видел, как наши коровы весной и до половины лета, до уборки озимых, бродят по пустым паровым полям, гложут полуиссохшую пыльную траву, пьют где пришлось, подчас рады даже болотной воде, тот согласится, что уже одно чувство жалости к скоту, помимо всяких экономических соображений, должно побудить хозяина ввести кормление летом скота в стойлах; а особенно это уместно в таких имениях, где нет чересполосности. Во многих местах Пруссии даже крестьяне, несмотря на то что у них чересполосица, с общего согласия завели у себя кормление скота в стойлах и результатами этого нововведения так довольны, что только сожалеют, почему им не пришла мысль сделать это гораздо раньше. Действительно, с введением кормления в стойлах поземельные доходы значительно выросли. (...)

Кроме навоза, получаемого от содержания домашних животных, германские фермеры не в малом количестве употребляют и искусственные удобрения. Почти у всякого хозяина вы найдете особое заведение для приготовления искусственного тука — это так называемая компостная яма. Есть даже целые фабрики, исключительно занимающиеся приготовлением туков. Лучшая и добросовестнейшая фабрикация сего рода ведется англичанами около Берлина; компания их, занимаясь очисткой городских нечистот, приготавливает из этих последних на продажу удобрительный тук. Мы сказали: добросовестнейшая потому, что компания продает тук большими массами как навоз, не приписывая ему никакой особой чудодейственной силы, тогда как на других подобного же рода заведениях делаются порошки, которые пускаются в продажу по высокой цене и с уверением, что небольшое количество их вполне может заменить огромную массу навоза. Эти гомеопаты-агрономы сначала было возбудили к себе большое сочувствие у навозолюбивых германских фермеров, но впоследствии, когда опыт обнаружил всю несостоятельность чудодейственной силы порошков, спекулянты потеряли всякий кредит и порошкоделие упало.

Компостные ямы устраиваются точно так же, как и навозные, только всегда без крыш. Нередко их обсаживают с одной или с двух сторон кустами и именно с тех сторон, которые обращены к проездным или проходным дорогам. Компостные ямы приносят огромную пользу в хозяйстве: во первых, в них скапливаются все нечистоты со дворов, что важно ввиду опрятности; во вторых, перегнившая масса, будучи вывезена в поле или сад, составляет большое подспорье навозу; в третьих, накопление в ямах тука не сопряжено с большими затратами, потому что наполнением и перекапыванием тука занимаются в такое время, когда другие работы почему-либо невозможны (например, летом в ненастную погоду, чтобы не гуляли рабочие, их используют на работах по приготовлению компоста). В ямы бросают уличную грязь, мусор, пепел, сажу, стружки, очистки и остатки от дубилок, сорные травы, кочки, если они где найдутся, древесный лист, тину из прудов и водоросли, мелкие прутья, хвойные иглы, муравейники, костру от льна и пеньки и даже падаль, короче сказать, все, что способно перегнивать или содействовать гниению. Нередко в ямы подбавляют помет конский и особенно птичий или же известь. Время от времени компостную массу перекапывают и поливают или просто водой, или, что еще лучше, навозной жижей, и таким образом удобрение постепенно и незаметно накопляется до того, что его хватает на несколько десятин (на некалькі гектараў. — *У. А.)*.

Видя у нас миллионы кочек на лугах, груды костры, щепы и пепла, валяющихся по деревням, не говоря уже об иле и тине в прудах, мхе на болотах или мусоре в лесах, иной, пожалуй, подумает, как должна быть богата Россия, когда в ней даром пропадает столько ценных предметов! Что, если бы такое сокровище попалось в руки расчетливому немцу? Как бы он обрадовался, как бы поправил свои поля и луга! Но когда услышишь повсеместные жалобы на малоурожайность вследствие недостатка удобрения, то невольно переменишь свой взгляд и с грустью при-

дешь к убеждению, что все это добро пропадает не от богатства, а от невнимания. (...)

Удобное расположение строений, несомненно, содействует сбережению рабочих рук при отправлении хозяйственных занятий. Это хорошо понято германскими хозяевами, и потому они, устраивая какое бы то ни было здание, стараются так его расположить, чтобы оно сверх других удобств удовлетворяло бы прямо и сказанной цели, то есть сбережению рук. Такое стремление просматривается во всех постройках, как собственно хозяйственных, так и технических. Есть, правда, до сих пор много больших ферм, переделанных из старинных замков, которые в архитектурном отношении не могут быть образцами для хозяев; у некоторых, например, где был в старину театр, там теперь находится молотильный сарай или стойла для отборных племенных животных. На таких фермах можно только поучиться умению пользоваться готовой постройкой, однако прекрасное внутреннее размещение зданий далеко не исключает их раскинутости и вообще неполного соответствия целям сельскохозяйственной экономии. Гораздо интереснее в сельскоархитектурном отношении фермы, устроенные вновь, и особенно в самое последнее время.

Представляем описание трех ферм, каждая из которых имеет свою особенность, а именно: 1) фермы г-на Натузиуса в Пруссии около Магдебурга (почти в 3 милях расстояния) в селении Гундинсбург; 2) фермы г-на Шпек-фон-Штернбурга (Speck-von-Sternburg) в Саксонии недалеко от Лейпцига в селении Лютшена (Lutchena); 3) фермы в Таранте в двух с небольшим милях от Дрездена при Тарантской земледельческой академии. Все три фермы имеют общим то, что: здания в них расположены сомкнутым четыреугольником, каменные и по большей части в один кирпич; везде, за небольшими исключениями, крыши сделаны по методу Монсарда, и все они черепичные. Первая и третья фермы построены недавно, а ферма г-на Шпек-фон-Штернбурга даже только что отстроена. (...)

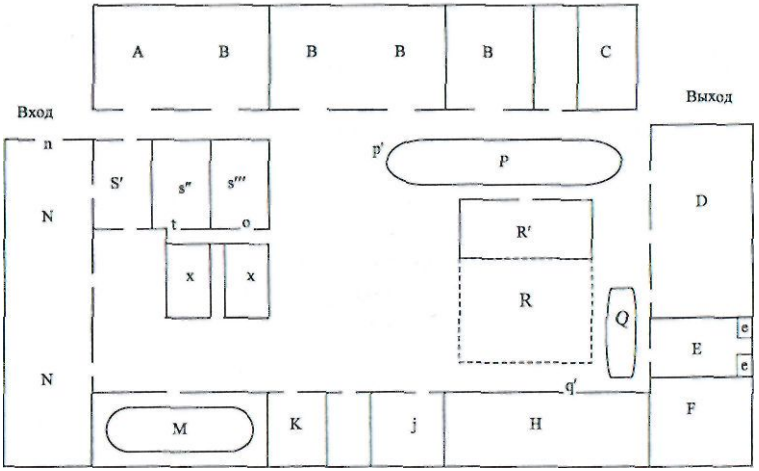

Рис. 8.1. План немецкой фермы

У г-на Натузиуса три фермы на 6000 моргенах (1640 га. — *У. А.)*. Они расположены весьма близко одна от другой; две из них размещены в старинных замках, а третья устроена заново. Представляем план и описание этой последней (рис. 8.1).

При входе на дворовую площадь налево находится небольшой навес А, для хранения рабочих орудий: плугов, борон и др. Рядом с ним скотный двор В В В В, к одной стороне которого устроены стойла С для телят. Скотный двор на 200 голов, за ним по порядку следуют ворота. Вторая сторона зданий начинается овчарней D на 1000 овец. Рядом с ней конюшня для рабочих лошадей Е с двумя денниками е е; далее следуют стойла F для рабочих волов. На третьей линии свинарник Н, рядом с ним кладовая j для хранения разных материалов, например дерева, железа и пр.; через сени — мастерская К для починки орудий. Над кладовой и мастерской на втором этаже сделано помещение с одной стороны для рабочих, а с другой для смотрителя фермы; эти два жилых помещения разделяются сенями. Около мастерской устроен большой амбар М.

На четвертой линии расположен во всю ее длину хлебный сарай N N, оканчивающийся воротами п, которые выходят наружу с фермы около въездных ворот.

На середине двора, площадь которого вымощена камнем, устроены:

1) два навозохранилища с резервуарами для накопления жидкости. Одно P с резервуаром p' находится близ скотного двора и снабжено крышей. Другое Q с резервуаром q находится с противоположной стороны, около свинарника и близ помещений рабочих лошадей и волов; оно без крыши;

2) к одной стороне площади двора почти во всю его длину, разумеется, с проездами по концам устроен сарай R' R. Внизу отделения R' размещены разные хозяйственные машины — сеялки, конные грабли, машина для разбрасывания костей и проч., а вверху на чердаке собраны ручные мотыги, лопаты, грабли, косы, топоры, словом, все мелкие орудия (они висят рядом на вешалках). В другом отделении R (на столбах в виде навеса, необгороженном) сберегаются телеги, конные тачки, бочки для развозки навозной жижи и прочие громоздкие вещи. Во время вывоза навоза из овчарен под этот навес загоняют овец, обгородив его кругом решетками, употребляемыми при пастьбе овец как переносные изгороди;

3) к хлебному сараю около въездных ворот приделана каменная пристройка s' s" s'". Среднее отделение s" — с каменными сводами и каменным полом; в нем стоит постоянная паровая машина t, и потому над этим зданием выведена очень высокая каменная труба. В другом отделении s' размещена большая английская молотильная машина с веяльным аппаратом и перетряхивающим солому снарядом. В третьем отделении s'" находятся две мельницы с ситами и устроен колодец о. (...)

Таким образом в небольшом здании размещены разные машины, и все работают, не мешая одна другой; везде чисто и опрятно. При молотьбе находятся 8 [работниц] и 2 работника; при мельницах и водокачке — 1 рабочий;

при резке соломы и ломании жмыхов работник и работница. Впрочем, машина за раз не приводит в действие молотилку и мельницы, но что-нибудь одно из них. Позади здания, в котором поставлен паровик, через сени устроены стойла х х для откармливания животных. Посредине дворовой площади устроен колодец, откуда проведена вода во все места, где она нужна. Все здания и скот застрахованы от огня.

На чердаках зданий (над конюшнями, над овчарнями и скотным двором) устроены сеновалы, а также места для хранения мякины, колоса и проч. Это общий способ сбережения кормов во всей Германии, а потому потолки зданий делаются очень плотно без малейших щелей, даже проконопачены и смазаны, чтобы испарина от скота не могла проникать к корму. Кроме того, как в коровнике и свинарнике, так и в овчарне устроены вентиляторы для очищения воздуха, так что в стойлах и даже в свинарниках воздух всегда свеж.

Насколько подобное расположение зданий сокращает расходы на рабочих, понять нетрудно; корм, водопой — все под руками, и, кроме того, нет надобности в сторожах и других лицах, отягощающих хозяйство. О конокрадстве в Германии вовсе не слышно, да оно там почти и невозможно, потому что лошади всегда держатся на стойлах, а значит, сыты, здоровы и целы. Не мешало бы и нам принять это к сведению, тогда менее бы было слышно жалоб на конокрадство. (...)

8.4. Прычыны росквіту гаспадаркі Нямеччыны, якія выцякаюць з грамадскіх прычын

Всякое предприятие, в котором главную роль играет капитал с ожидаемыми от него процентами, более или менее рискованно; из всех предприятий этого рода наиболее подвержено случайностям, а следовательно, и риску едва ли не земледельческая промышленность. И, что всего безотраднее, в земледелии возможность ослабить риск

в большинстве случаев находится вне зависимости от предпринимающего. Разорительным случаям от огня, от градобития, от падежей скота, от холода или жары, от недостатка влаги или ее изобилия и проч. предприятия земледелия более подвержены, нежели все другие.

Зато при счастливом ходе дел можно ли найти более выгодное занятие, чем сельскохозяйственная промышленность! При удаче одна корова или овца по истечении 8 или 10 лет является к хозяину с целым стадом; одно зерно пшеницы или ржи, брошенное в землю, дает по прошествии нескольких месяцев целый колос, на котором можно насчитать несколько десятков зерен. Если в коммерческих предприятиях доход в 10% на капитал и даже менее считается доходом достаточно выгодным, то насколько же выгоднее земледелие, дающее при правильном ходе дел 50—80% и даже до 100%! И заметьте, такие большие выгоды основываются единственно на плодородии земли и на собственном труде хозяина, не сопрягаясь ни с какими жертвами сторонних лиц; короче, земледелие есть занятие одновременно и благородное, и очень выгодное.

А потому поставить земледельческую промышленность в независимое положение от несчастных случаев, перевести ее, так сказать, из состояния рискованного в положительно верное есть весьма важная государственная задача, над решением которой обязано трудиться все земледельческое сословие общими силами, употребляя к тому все возможные меры благоразумия. Не гарантировать земледелия от разорительных случаев — значит не ценить его надлежащим образом, не давать ему законного места в ряду других промыслов, тогда как оно поистине есть главнейшая опора народнаго благоденствия.

Германское земледелие путем учреждения страховых обществ от огня, от града, от скотских падежей уже поставлено до известной степени вне зависимости от непредвиденных несчастных случаев. Это-то в совокупности с личными качествами самих землевладельцев и привело сельскохозяйственную германскую промышленность к тем счастли-

вым результатам, которыми она пользуется в настоящее время. Германский фермер без страха затрачивает свой капитал на приобретение лучших племенных животных, на устройство технико-хозяйственных заведений, на покупку удобрения для улучшения полей, ибо он уверен, что помещает его благонадежным образом, знает, что при первой случившейся неудаче убытки будут покрыты; притом понимая хорошо дело земледелия, он не сомневается и в том, что капитал даст ему надлежащие проценты. Очевидно, насколько через это уменьшается риск земледельца и насколько выигрывает вообще земледелие.

Страхование зданий от огня, полей от градобития, скота от падежей, действительно, требует от хозяина при начале дела несколько больше оборотного капитала, нежели сколько его понадобилось бы без страхования, потому что страховые суммы вносятся в общества вперед, но этим нисколько не обременяются германские хозяйства; во многих местах даже застрахованы хлеб в скирдах и в сараях, все хозяйственные машины и орудия, словом, все имущество. Благодаря строгой и правильной отчетности землевладельцы умеют рационально разложить всю страховую сумму на разные продукты земледелия и хозяйства — значит, проценты страховые падают не на производителей, а на потребителей, и поэтому германское земледелие как предприятие гарантируется на счет потребления. Но так как производители убеждены, что капитал, идущий на улучшение их хозяйств, не пропадет, то они и вкладывают его, не щадя, а устремляя все внимание только на то, чтобы продуктов получить как можно более, а это, в свою очередь, и дает им возможность продавать добытые продукты недорого, а между тем и неубыточно. Таким образом, не проигрывают и потребители; выходит круговая гарантия, с которой сопряжены выгоды как производителей, так и потребителей, а следовательно, и целого государства. Многие землевладельцы, имея акции какого-либо страхового общества, а иногда и всех: получают ежегодно столько дивидендов, что их достает как на покрытие страховых

процентов, так и на очищение процентов на самый капитал в акциях.

На всех фермах здания застрахованы от огня; так как страховые общества берут высшую плату за здания деревянные и особенно крытые соломой, то хозяева в Германии не строят таких, а все почти строения делают полукаменные — в один кирпич и кроют черепицей. На опыте дознали, что подобные здания не заменимы как по дешевизне, так и по пропорциональной дешевизне прочности, а также небезвыгодны и со стороны их страхования.

Страховая плата в Германии невелика (почти наполовину меньше взимаемой нашими обществами) и потому необременительна, так что даже некоторые из русских страховых от огня обществ находят выгодным перезастраховывать российские строения в германских обществах, например в Магдебургском. Скот тоже страхуется от огня почти повсеместно; по крайней мере, на всех без исключения богатых фермах он застрахован; страховая плата от 1 до 2 талеров за голову крупного скота в зависимости от оценки. Скирда пшеницы, оцененная в 280 талеров, застраховывается от огня за 3 талера 15 грошей (около 3 руб. 50 коп. серебром; на сучасныя грошы 12,25€. — *У. А.)*; за имущество хозяйства взимается различная плата, смотря по его оценке. Поля от града также застрахованы едва ли не повсеместно: общества берут от 72 до 96 коп. серебром за десятину (ад 2,5 да 3,4€ за гектар. — *У. А.)*. Впрочем, плата за страхование полей от града довольно различна в зависимости от местности: она гораздо выше там, где чаще бывает град, и ниже в тех местах, где он бывает редко.

В каждом округе находятся агент страхового общества (он не получает от общества жалованья, а пользуется лишь той выгодой, что поля его застрахованы за меньшие проценты) и уполномоченный со стороны земледельцев (по выбору). Эти два лица обязаны освидетельствовать поля и доносить обществу о действительности случившихся несчастий. Впрочем, строго говоря, в Германии каждый землевладелец есть в то же время и агент общест-

ва, ибо каждый интересуется делами того страхового общества, где застраховано его имущество, из боязни, чтобы общество не сделалось несостоятельным. (...)

Возможность застраховывать весь хозяйственный инвентарь от непредвидимых несчастных случаев поставила германскую земледельческую промышленность в положение, изъятое [от] риска; поэтому в Германии не задумываются вкладывать капитал в землю, в орудия и скот, ибо уверены, что более надежного размещения едва ли и можно дать капиталу. Понятно, что вследствие такой уверенности сама промышленность должна процветать все более и более.

Немало помогли и теперь помогают германскому земледелию так называемые ссудные банки (Banken fur Deutschland), учрежденные с целью давать под залог капиталы хозяевам немецкого края. Насколько важен капитал для хозяйства, это известно каждому, имеющему дело с землей и ведущего его вольнонаемными рабочими. Без капитала невозможно ни начало, ни продолжение хозяйства — он есть начальный и исходный пункты его.

Опыт показал, что есть два способа для улучшений в хозяйстве. При первом способе улучшения делаются за счет средств самого хозяйства (если оно заведено) без всякой сторонней помощи, то есть оно улучшается постепенно на внутренний капитал и барыши, от него получаемые. Этот путь медленный, но зато необременительный и едва ли не самый верный. Другой путь более скорый, тут готовый сторонний капитал вкладывается в хозяйство, употребляется, например, на покупку скота или возведение здания и проч. Этим последним способом быстро достигается улучшение, но зато он несколько обременительнее первого по последствиям, ибо затраченный капитал, взятый извне, рано или поздно подлежит уплате с процентами.

Выбор того или другого способа зависит часто от воли хозяина, а часто от условий, в которых поставлено хозяйство данной страны. Землевладельцы германские весьма часто берут ссуды для улучшения своих хозяйств и, таким

образом, достигают цели несравненно скорее, чем достигли бы ее путем постепенного улучшения за счет внутренних средств. Действуя так, они поступают весьма основательно и рационально, потому что их хозяйства поставлены вне зависимости от случайностей. Осторожный немец едва ли бы взял ссуду, если бы занятый капитал он должен был употребить без достаточной гарантии на риск. Всматриваясь пристальнее с этой стороны в ссудные кассы, мы приходим к заключению, что они тогда только могут принести истинную пользу хозяйству, когда это последнее гарантировано; в противном же случае ссудные банки подвинут вперед не земледелие, а разве только самих себя, ибо их благосостояние всегда гарантировано залогами, без которых не дается капиталов в ссуду. (...)

Немцы много уже построили, да и теперь немало строят технических заведений на ссудные капиталы; обыкновенно такие заведения застраховываются еще в то время, когда только приступают к устройству их, дабы поставить капитал вне всякого риска. Точно также поступают и при других нововведениях, предпринимаемых за счет ссуд. Вследствие этого тут есть обоюдная выгода как для земледелия, так и для кредитных учреждений, которые могут довольствоваться ничтожными процентами. (...)

... В Германии ссудные банки дают капиталы под всякие залоги, например под скот, под здания и проч., но только в том случае, если залоги застрахованы; местные округовые ссудные банки руководствуются теми же правилами.

Высшие учебные заведения для специального обучения молодых людей сельскому хозяйству со всеми их отраслями чрезвычайно распространены в Германии. В этих заведениях и путем теории, и путем практики готовят людей всех сословий; нет ни одной отрасли хозяйства, для которой бы не было заведено особого учебного учреждения. Вследствие этого германские землевладельцы решительно обеспечены как администраторами, так и техниками, а равно конторщиками, овчарами и проч. Учебных

заведений по разным отраслям сельского хозяйства насчитываются в Пруссии — 48, Баварии — 9, Саксонии — 6, Ганновере — 6, Виртемберге — 6, Великом герцогстве Баденском — 5, Гессен-Касселе — 1, в герцогстве Нассаусском — 1, герцогстве Брауншвейг, Голштинии — 2, герцогстве Альтенбург — 2, Великом герцогстве Саксен-Веймар — 2, герцогстве Кобург — 1, Великом герцогстве Люксембург — 1, герцогстве Саксен-Мейнинген — 1. Всего учебнохозяйственных заведений около 93. (...)

Предметы, преподаваемые в Вальдау, те же, что и в Горы-Горецком институте, и излагаются в тех же объемах. (...)

Весьма бы интересно ввести в употребление возделывание рапса в умеренной России. Если не только в Вальдау, но даже гораздо севернее (например, на литовской границе и в некоторых литовских хозяйствах) возделывают рапс и получают отличные урожаи его, то надобно полагать, что семенами, взятыми из северной Пруссии или из Литвы, могло бы быть аклиматизировано растение и у нас, так что рапс переносил бы и наши зимы безвредно. (...)

Вообще, в Германии обращено внимание на все, что только может способствовать успехам земледелия и различных отраслей сельского хозяйства. Страховые учреждения избавляют земледелие от риска; учебные заведения подготавливают специалистов; теория и практика объединялись вместе, а в общем итоге выходит то, что сельскохозяйственная промышленность постоянно крепнет и неуклонно идет вперед и вперед.